

Научная статья

[https://doi.org/ 10.24412/2220-2404-2024-9-10](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-9-10)

УДК 316.014+ 316.4.057.4+ 316.334.4

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОВД

Кочкин А.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье рассматривается специфика институционализации неформальных социальных практик следователей. Отечественные и зарубежные исследования, посвященные изучению поведенческих особенностей индивидов, свидетельствуют о том, что социальная организация деятельности человека может иметь свои основания, которые не столько не сходятся с требованиями законодателя о должном поведении в обществе, сколько идут параллельно им. Особенно актуальными оказываются они для сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, поскольку к их компетенции относится обеспечение принципа законности на территории государства путем изобличения лиц, совершивших преступления, и привлечения их к ответственности в установленном законом порядке. В подтверждении данного тезиса автором рассматриваются теоретико-методологические основы феноменологической, интеракционистской, этнометодологической, релятивистской концепций и фрейм-анализа. В заключении работы акцентируется внимание на причинах, лежащих в основе институционализации неформальных социальных практик сотрудников следствия ОВД.

Ключевые слова: органы внутренних дел, следователь, неформальные социальные практики, институционализация, паттерны поведения, маркированные социальные группы, полиция.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF INFORMAL SOCIAL PRACTICES OF POLICE INVESTIGATORS

Anton A. Kochkin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the specifics of the institutionalization of informal social practices of investigators. Domestic and foreign studies devoted to the study of the behavioral characteristics of individuals indicate that the social organization of human activity may have its own reasons, which do not so much disagree with the requirements of the legislator on proper behavior in society, as they go parallel to them. They are especially relevant for employees of investigative departments of the internal affairs bodies of the Russian Federation, since their competence includes ensuring the principle of legality on the territory of the state by exposing persons who committed crimes and bringing them to justice in accordance with the procedure established by law. In confirmation of this thesis, the author examines the theoretical and methodological foundations of phenomenological, interactionist, ethnomethodological, relativistic concepts and frame analysis. In conclusion, the paper focuses on the reasons underlying the institutionalization of informal social practices of police investigation officers.

Keywords: internal affairs bodies, investigator, informal social practices, institutionalization, patterns of behavior, labeled social groups, police.

Введение.

Органы внутренних дел выступают в качестве ведущего федерального органа исполнительной власти, одной из основных обязанностей которого является обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [1]. Однако сам по себе орган есть не что иное как совокупность

индивидов — представителей закрытой маркированной социальной группы, призванных реализовать стоящие перед российским государством задачи по обеспечению состояния защищенности личности, общества и государства [2].

Деятельность сотрудника ОВД имеет несколько уровней организации.

С одной стороны, порядок реализации паттернов социального поведения государственного служащего определяется действующими законными и подзаконными актами. Иными словами, парадигма повседневного поведения представителя системы МВД России четко детерминирована посредством действия позитивных норм права.

С другой стороны, имеется социальный контекст интерпретации поведенческих особенностей служащих органов внутренних дел Российской Федерации.

Особую категорию государственных служащих, проходящих службу в органах внутренних дел, составляют следователи, поскольку от их следственных действий и процессуальных решений зависит восстановление социальной справедливости, привлечение злоумышленника к ответственности, возмещение ущерба потерпевшему, реализация принципа общей и частной превенции, зачастую выступающего в качестве ведущего элемента профилактики правонарушений и прямо влияющего на снижение общего уровня преступности в стране [3].

Таким образом, от эффективности действий служащих данной должностной категории зависит во многом соблюдение законной процедуры по изобличению обвиняемых в совершении преступлений.

Обсуждение.

При всем этом следователь не может быть представлен в виде некоего условного «механизма», который способен в отсутствие какой-либо возможной рефлексии, осуществлять возложенные на него обязанности по уголовному преследованию. Он, как социальное существо, может находиться под воздействием различного рода триггеров, которые генерируются особенностями организации социума. Это могут быть такие явления, которые культивируют в нем чувство справедливости и желание в рамках правового поля оказать содействие человеку и гражданину.

В то же время, сотрудником органов предварительного следствия системы МВД России могут быть использованы такие практики, которые имеют негативный характер с формально-правовой точки зрения. То есть, следователь ОВД, несмотря на то, что неукоснительно должен соблюдать требования положений российского законодательства, иногда, в силу ряда социальных факторов, может выходить за рамки определенных правил поведения.

Важно обратить внимание на то, что речь не всегда идет о том, что следователь ОВД склонен совершать преступления. Девиантное поведение сотрудника ОВД может проявляться в совершении административного правонарушения или же дисциплинарного проступка; то есть, в тех формах, которые хоть и не желательны со стороны общественности, однако, воспринимаются ею в качестве тех, которые имеют весьма невысокую общественную опасность.

Кроме того, анализ отечественных нормативных правовых актов показывает, что в современной российской правовой системе есть представление о том, что несмотря на то, что сотрудник ОВД, в том числе и следователь, должен «служить примером исполнения законов, неукоснительного соблюдения требований служебной дисциплины» [4]; им могут быть допущены нарушения законности, что, в частности, иллюстрируется главой 7 Федерального закона «О службе в ОВД», закрепляющей общий порядок соблюдения служебной дисциплины в системе МВД России [5].

Несмотря на то, что социальные повседневные практики следователя ОВД могут приобретать не всегда приемлемые черты с позиции действующего законодательства России, такие поведенческие паттерны, в силу действия нормативных актов Министерства и этических требований к сотруднику, вынуждают рассматривать такого рода поведенческие особенности преимущественно с точки зрения позитивных норм права, практически не отвлекаясь на социальные и психологические мотивы, лежащие в основе поведения, которое таким образом считается неправовым или неправомерным.

Иными словами, сама система, в которой проходят службу следователи ОВД, обладает приоритетным правом на определение поступков в качестве правомерных или неправомерных, что соответствует модели Мишеля Фуко о гегемонии государства в контексте дифференциации типов поведения, поскольку оно (государство, государственный орган) обладает исключительным правом на знание, делегирующее власть делить вещи, людей, институты и институции на условно нормальные или ненормальные, на правомерные или неправомерные [6].

В этой связи, важно акцентировать внимание на значимости социологической интерпретации деятельности следователя ОВД, который может при выполнении служебных обязанностей выходить за рамки установленных поведенческих норм, поскольку правовая система не в состоянии

полностью регулировать стимулы, определяющие социальные акты сотрудника ОВД, а также точно прогнозировать модели его повседневного поведения [7].

Если рассматривать теоретико-методологические особенности исследования институционализации неформальных социальных практик, то следует отметить, что их изучением занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи.

Во многом, интерес к социальным повседневным практикам появляется в рамках феноменологической парадигмы, когда переосмысливается понимание социального акта, ранее который рассматривался в концепции, разработанной Талкоттом Парсонсом. По этой причине, идеи Альфреда Шюца, связанные с важностью переосмысления социальных паттернов индивидов и восприятия практики легли в основу микросоциологии [8].

С позиции символического интеракционизма, значительный вклад в понимание особенностей институционализации социальных неформальных повседневных практик внесли Джордж Мид, Герберт Блумер и Говард Беккер, которые не только показали, что практически все социальные действия имеют символической уровень понимания, но и акцентировали внимание на интрасубъективном восприятии девиантного поведения, сместив центр с позиции стороннего наблюдателя на включенное наблюдение и индуктивный анализ [9; 10; 11].

Фрейм-анализ, концепция которого подробно разработана Эрвином Гоффманом, позволил рассмотреть структуру социальных ситуаций, возникающие в обществе, в которых могут осуществляться неформальные повседневные практики [12]. Согласно его теоретико-методологическим достижениям, можно утверждать, что помимо того, что социальная ситуация имеет зачатую структуру, включающую транспонированные и нетранспонированные элементы, она строится, исходя из первичной системы фрейма. Иными словами, фрейм-анализ показывает, что любой социальный контекст включает в себя особый историко-социальный генезис, который делает данную ситуацию узнаваемой для представительной определенной социальной группы.

В российской социологической науке данные идеи активно разрабатываются В.С. Вахштайном [13].

В этнометодологической теории, основанной Гарольдом Гарфинкелем, социальный анализ вплотную приближается к исследованию пове-

седневных актов. Г. Гарфинкель предлагает обращать внимание на отдельные социальные действия людей, из которых и строится повседневность в целом. То есть, индивидам свойственно производить множество повторяющихся социальных итераций, не рефлексируя над этим, однако, постоянность таких действий позволяет делать их узнаваемыми для других, что в итоге приводит к созданию единой поведенческой парадигмы, то есть неселективной системы правил поведения, которая не может быть закреплена на формально-правовом уровне, превращая их в «явления-знаковых-событий» [14, с. 47].

Одним из видных отечественных исследователей в этой области является А.М. Корбут [15].

Представителями постмодернизма предложен ряд идей, которые помогают сформировать представление о неформальных практиках.

Ролан Барт употребляет термин «практики» в контексте идеализированных социальных действий людей, проживающих вместе, что характеризует социальные практики непосредственно через повседневность [16].

Пьер Бурдьё говорит о возможности интерпретации социальных повседневных практик с позиции реляционного подхода, учитывая реляции между этосом и институционализированными социальными структурами. Другими словами, Бурдьё учитывает символический контекст, которые является главным посредником между индивидом и тем или иным социальным институтом [17].

Результаты.

Проведенный анализ современных теоретико-методологических положений показывает, что в современных исследованиях, посвященных вопросам изучения неформальных практик, есть ряд пробелов:

1. Неформальные практики сотрудников государственных ведомств рассматриваются зачастую с юридической точки зрения.

С одной стороны, это обусловлено правовым характером государственной службы, частью которой являются следователи ОВД.

С другой стороны, крайне трудно отрицать повышенный интерес к особенностям правового поведения тех лиц, в обязанности которых входит контроль за деятельностью правонарушителей и привлечением их к ответственности в установленном законом порядке.

2. Не дается полноценная оценка мотивам такого поведения и их прогнозирование. В этой связи, кроются две ключевые методологические проблемы, которые значительно занижают

возможность получения репрезентативных данных относительно мотивов неформальных повседневных социальных практик.

Во-первых, понятие «мотива» (равно как и «установки») подвергается критике, поскольку не отражает истинных причин, лежащих в основе тех или иных поведенческих паттернов. В этой связи, например, Блумер отмечает: «Расплывчатость понятия означает, что нельзя никаким ясным способом указать особенности той вещи, к которой отсылает понятие, поэтому проверка понятия с помощью эмпирического наблюдения и пересмотр понятия в результате этого наблюдения становится затруднительным» [10, с. 265].

Во-вторых, что касается эмпирических исследований, то, когда речь идет об изучении деятельности представителей закрытых маркированных социальных групп, интеграция в такой коллектив в качестве наблюдателя затруднительна, что обусловлено, в данном случае, спецификой работы следователя, которая строится на принципе ограничения допуска к сведениям, являющихся частью материалов уголовного дела и материалов проверки сообщения о преступлении, так как распространение такой информации может нанести вред службе, человеку и государству.

3. Отсутствует классификация неформальных практик следователей в виду отсутствия эмпирической базы.

4. Исследователями, чаще всего, вообще игнорируются представители закрытых маркированных социальных групп (сотрудники полиции, следователи, военнослужащие), которые являются частью государственного аппарата. Исключением в данном случае могут выступать закрытые группы, в которые чтобы вступить требуется пройти определенную инициацию в виде проверки наличия определенного знания и (или) опыта. К этой категории относятся как представители делинквентных групп, так и сообщества, которые имеют как нейтральный, так и положительный статус в социуме [11]. При этом в большинстве случаев игнорируются попытки изучения особенностей паттернов поведения индивидов, являющихся частью если не органов государственной власти, то важным организационным элементом закрытого учреждения, хотя в этом случае есть некоторые исключения: Э. Гоффману, например, удалось изучить поведенческие особенности душевнобольных в Больнице св. Елизаветы в Вашингтоне [18, с. 25].

Заключение.

Деятельность сотрудников следственных подразделений ОВД не может носить перманентный правовой характер, что обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, законодательством не регулируются особенности поведения, которые для представительных органов власти существенными не являются, хотя, однако, они составляют значительный кластер действий, определяющих социальную реальность, складывающуюся в рабочем коллективе сотрудников, к чему, в частности, апеллируют этнометодологические исследования.

Во-вторых, можно говорить о существовании некоего разрыва между нормативными предписаниями и особенностями их реализации, примером чего служат этические требования к сотрудникам ОВД, которые кажутся чрезмерными [4]. Однако стоит сказать о том, что такого рода требования выступают в качестве идеала для поведения и не могут быть проще для тех, кто занимается контролем за правовым поведением граждан.

В-третьих, неформальная природа социальных практик является результатом наличия так называемой «саморефернциальной петли», как об этом говорит Никлас Луман [19, с. 101]. То есть, проблема институционализации неформальных социальных практик следователей ОВД сводится к тому, что данные лица совмещают в себе две ипостаси, несводимые априори друг к другу: «тривиальной машины» и «нетривиальной машины», выражаясь словами Фона Фёрстера [20], к которой апеллирует Луман [19, с. 100]. Проще говоря, следователь, являясь социальным существом, склонен к рефлексии своих действия и может быть не удовлетворён тем, что от него требуется, однако вместе с тем его парадигма поведения, связанная в частности с выполнением оперативно-служебных задач, четко детерминирована правовыми нормами.

Указанные явления приводят к постепенной институционализации неформальных социальных практик в работе следователя, которые при этом далеко не всегда посягают на общественную опасность, но и не могут полностью соответствовать интересам службы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. *Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».*
2. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».*
3. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (УПК РФ) (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».*
4. *Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».*
5. *О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».*
6. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. - 478 с.*
7. Кубякин, Е. О. *К вопросу об интерпретации социальных повседневных практик индивида в контексте дихотомии «субъект-объект»: от антропологии к социологии повседневности / Е. О. Кубякин, А. А. Кочкин // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 2(18). – С. 81-89. – EDN AKDNUC.*
8. Щюц А., Парсонс Т. *Теория социального действия; пер. с англ. А.М. Корбута. – Москва: Элементарные форсы, 2021. – 224 с.*
9. Мид Дж. *Интернализированные другие и самость / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994.*
10. Блумер Г. *Символический интеракционизм: перспектива и метод. Пер. с англ. А.М. Корбута. – М.: Элементарные формы, 2017. – 346 с.*
11. Беккер Г. *Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. – 272 с.*
12. Гофман И. *Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. - 752 с.*
13. Вахштайн, В. *К микросоциологии игр: сценарий, афорданс, транспозиция / В. Вахштайн // Логос. – 2013. – № 2(92). – С. 3-37. – EDN RVRGZN.*
14. Гарфинкель Г. *Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. — 334 с.*
15. Корбут, А. М. *Одомашивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни / А. М. Корбут // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1(161). – С. 193-216. – DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1808. – EDN TKKKDP.*
16. Барт Р. *Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.*
17. Бурдьё П. *Социология социального пространства. Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. — 288 с.*
18. Гоффман Э. *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психических больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Эрвин Гоффман; пер. с англ. А.С. Салин; под ред. А.М. Корбута. – Москва: Элементарные формы, 2019. – 464 с.*
19. Никлас Л. *Введение в системную теорию. М.: Издательств. «Логос». 2007. — 360 с.*
20. Foerster Heinz von. *Wissen und Gewissen: Versuch einer Brücke. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. P. 244.*

References:

1. On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation. Access from the help. the legal system "Garant".
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation. Access from the help. the legal system "Garant".
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) (with amendments and additions). Access from the help.
4. On the approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. Access from the help.
5. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative acts of the Russian Federation: feder. Law No. 342-FZ of November 30, 2011. Access from the help. the legal system "Garant".
6. Foucault M. To supervise and punish. The birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. - 478 p.
7. Kubyakin, E. O. On the interpretation of the social everyday practices of an individual in the context of the subject-object dichotomy: from anthropology to the sociology of everyday life / E. O. Kubyakin, A. A. Kochkin // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. – 2024. – № 2(18). – Pp. 81-89. – EDN AKDNUC.
8. Shchyuts A., Parsons T. Theory of social action; translated from the English by A.M. Korbut. – Moscow: Elementary forces, 2021. – 224 p.
9. The Ministry of Foreign Affairs of J. Internalized others and the self / Edited by V.I. Dobrenkov. M.: Publishing House of Moscow State University, 1994.
10. Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method. Translated from English by A.M. Korbut. – M.: Elementary forms, 2017. – 346 p.
11. Becker G. Outsiders: research on the sociology of deviance. M.: Elementary forms, 2018. – 272 p.
12. Hoffman I. Frame analysis: An essay on the organization of everyday experience. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; FOM, 2004. - 752 p.
13. Vakhstein, V. To the microsociology of toys: scenario, accordance, transposition / V. Vakhstein // Logos. – 2013. – № 2(92). – Pp. 3-37. – EDN RVRGZN.
14. Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. St. Petersburg: Peter, 2007. — 334 p.
15. Korbut, A.M. The domestication of artificial intelligence: smart speakers and the transformation of everyday life / A.M. Korbut // Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2021. – № 1(161). – Pp. 193-216. – DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1808. – EDN TKKKDP.
16. Bart R. How to live together: Romantic simulations of some spaces of everyday life. – Moscow: Ad Marginem Press, 2016. – 272 p.
17. Bourdieu P. Sociology of social space. Translated from French; Ed. by N.A. Shmatko. – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. — 288 p.
18. Goffman E. Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions / Erwin Goffman; translated from English by A.S. Salin; edited by A.M. Korbut. – Moscow: Elementary forms, 2019. – 464 p.
19. Niklas L. Introduction to the system theory. Moscow: Publishing Houses. "Logos". 2007. — 360 c.
20. Foerster Heinz von. Knowledge and Conscience: an attempt at a bridge. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. p. 244.

Информация об авторе:

Кочкин Антон Андреевич, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; г. Краснодар, Российская Федерация; E-mail: kochkin@a-kochkin.ru
Anton A. Kochkin, Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Krasnodar, Russian Federation.